

**ФИЛОСОФСКИЕ
ДИАЛОГИ**

Издательство
«НОВЫЙ АКРОПОЛЬ»

Издательство
«НОВЫЙ АКРОПОЛЬ»

«НОВЫЙ АКРОПОЛЬ»

Джордано Бруно

Философские диалоги

Серия «Традиция, религия, культура»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4937888

Философские диалоги. О Причине, Начале и Едином. О бесконечности, вселенной и мирах. О героическом энтузиазме: Издательство «Новый

Акрополь»; М.; 2013

ISBN 978-5-91896-042-4

Аннотация

Эту книгу мы посвящаем памяти Джордано Бруно – великого философа, поэта, ученого эпохи Возрождения. Во времена, когда непреложной догмой было то, что звезды прикреплены к небесному своду, а Земля – центр неподвижной безжизненной вселенной, Бруно говорил о Едином, Божественном Начале, которое одухотворяет, наполняет жизнью все в бесконечной, вечно трансформирующейся Вселенной, о бесчисленных живых мирах...

В книге представлены два философских диалога Джордано Бруно – «О Причине, Начале и Едином» и «О бесконечности, вселенной и мирах», – в которых звучат основные идеи его философии.

Завершается сборник трудом «О героическом энтузиазме», посвященным пути Энтузиаста, подлинного героя, и любви к

Истине как движущей силе философского поиска и жизненного подвига самого Бруно.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

ДЖОРДАНО БРУНО – ТИТАН ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ	7
На рубеже эпох	7
О жизни и судьбе Джордано Бруно	12
Ключи к философии Бруно	20
Смерть Бруно	26
О ПРИЧИНЕ, НАЧАЛЕ И ЕДИНОМ	30
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО, написанное знаменитейшему СИНЬОРУ МИКЕЛЮ ДИ КАСТЕЛЬНОВО[1],	31
ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ	38
ДИАЛОГ ВТОРОЙ[21]	73
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Джордано Бруно
Философские диалоги.
О Причине, Начале и
Едином. О бесконечности,
вселенной и мирах. О
героическом энтузиазме
ДЖОРДАНО БРУНО – ТИТАН
ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

На рубеже эпох

Omnia transit — все проходит. Совсем недавно невидимые Гении времени объявили конец еще одного века, еще одного тысячелетия бурной истории человечества. Странное, смешанное ощущение надежды и страха рождается вместе с осознанием того, что на наших глазах наступает загадочная, сложная и удивительная пора очередной смены эпох.

Сколько раз уже История видела, как умирают царства,

установления, обычаи, мнения и взгляды и как на их месте рождаются новые, в свою очередь подверженные смерти и подчиненные неумолимому закону циклов. Сколько раз уже История видела, как боги одной эпохи становятся демонами в другой, как гонимые и преследовавшиеся в одной эпохе в другой сами становятся преследователями и инквизиторами. Сколько раз на сцене театра Истории разыгрывались сатурналии, подобные настоящему карнавальному фарсу, где шуты занимали места королей, а королей принимали за шутов, где люди-звери, прикрываясь масками добродетелей, призывая к состраданию и уповая на Бога, безжалостно уничтожали своих жертв...

Течет великая, молчаливая река Времени, охраняя тайны многих поколений, срывая с берегов жизни королей и подданных, мучеников и мучителей, друзей и врагов, унося их всех с собой, чтобы выбрасывать вновь и вновь на другие берега – другие эпохи, другие арены Истории.

На этой «другой арене» формы жизни, может быть, и станут другими, но вечные Идеи, руководящие ею, и вытекающие из них моральные законы и требования к каждому остаются всегда одними и теми же.

Воды забвения великой реки Времени поглощают все преходящее и недолговечное: в них разлагается все материальное, умирают земная власть, богатство, сила, все мелкие интересы, заботы и проблемы.

Но есть то, над чем не властно даже Время, – это те вели-

кие Идеи и Мечты, которые в каждой эпохе пробивают себе дорогу, чтобы найти приют в сознании и сердцах людей. Это великие люди, Гении, Титаны – носители этих Идей, истинные короли своей эпохи. В водовороте истории, где каждый спасает собственную шкуру, где один утопающий отталкивает другого, чтобы выжить и поплыть по течению вместе с толпой ему подобных, люди-Титаны выбирают и находят для всех иные дороги, иные модели жизни.

Обычно это люди не от мира сего, не от времени своего. Великие Мечты, проводниками и вестниками которых они являются, приоткрывают им новые дали, вне границ времени и пространства, жизни и смерти, далеко за пределами настоящего. Вдохновляясь этими Идеями и создавая в соответствии с ними новые формы познания и новые модели жизни, Титан своим сознанием уходит далеко в будущее, видит его и в какой-то мере уже живет в нем, телом и плотью все еще оставаясь в старой эпохе, среди своих современников, терзающих друг друга ради куска хлеба.

Жить в старой эпохе – для Титана это значит пытаться донести до своих современников частицу того нового времени и нового сознания, в которое так или иначе, рано или поздно придется перешагнуть всем. Это значит вызывать на себя всю разрушительную силу старой эпохи, сопротивление всех тех, кому выгодно оставаться там, где был, и думать так, как думал. Это значит сталкиваться и сражаться с огромной силой ненависти, злобы, догматизма, лицемерия и эгоизма

одних и с силой неведения, инерции, тупости, безразличия и пассивности других.

Если у неприрученной собаки попытаться отнять кость и попросить ее посмотреть на звезды – она, скорее всего, укусит руку, показывающую ей на небо.

Судьба Титана – это постоянная борьба, и борьба не только за то, чтобы самому не быть разорванным на куски силами зависти, догматизма и злобы, но и за то, чтобы Идея, носителем которой он является, не была пресечена в самом начале, прежде чем она успеет укрепиться, обрести плоть и пустить корни в плодородную почву сознания тех, кто мог бы ее понять. Это постоянная борьба за то, чтобы посеять семена и чтобы достучаться до тех немногих, в сознании которых эти семена уже начинают давать первые ростки.

Титан не может работать один. Ему нужны ученики, которые, словно звенья в цепи, передавали и развивали бы принесенную им Идею дальше, до ее окончательного воплощения в форме. При этом он прекрасно отдает себе отчет в том, что это работа на длительный срок. Начавшись при его жизни, она продолжается часто даже не десятилетиями, а веками.

Поэтому сколько бы ни продолжалась жизнь Титана, она неизбежно коротка для него. Времени всегда мало, а успеть надо очень много. Нередко апофеозом этой борьбы становится мученическая смерть. Умереть за Идею для человека такого склада ума и сердца, вопреки мнению многих, не означает поражения. Это последний акт отваги и воли, куль-

минация его героической жизни. Покидая арену Истории, он своим собственным примером доказывает, что даже если тело очень легко уничтожить, то Душу и Идею, вдохновляющую ее, не убьешь. Она не подвластна законам, воле и насилию человека.

Кажется, что, покидая тело, Душа Титана просто возвращается к тем далям, которыми он уже жил в своих мечтах и в своем сознании. А Идея, вдохновляющая его, – она остается конкретными следами, оставленными им. Кажется, что по мере того, как она развивается, приобретает форму в сознании людей и в новых моделях жизни, она призывает своего носителя вернуться обратно и посмотреть на плоды своего дела.

О жизни и судьбе Джордано Бруно

Мы надеемся, что все сказанное выше будет полезным, для того чтобы принять ближе к сердцу судьбу и дело Тита на эпохи Возрождения, великого философа, поэта, ученого и мистика Джордано Бруно. О нем часто говорят, что он родился раньше своего времени, так как лишь спустя 400 лет после его смерти наука, философия и искусство XX века стали принимать многие его предположения и учения как актуальные и истинные.

В момент очередной смены эпох, в то время, когда массу невежественных людей заставляли воспринимать как догму, что звезды – это лишь лампадки, зажженные Богом на небе, а Земля – центр неподвижной, серой и безжизненной Вселенной, в то время, когда религиозное чувство сводилось к страху перед инквизицией и перед вечным пламенем ада, в то время, когда официальная философская мысль сводилась к спорам схоластов и теологов, которые до отупения разжевывали ту или иную церковную догму, то или иное предположение Аристотеля, в то время, когда владыки мира и официальные представители религии погрязали в пороках, в крови и злодеяниях, ведя политические интриги и сражаясь за власть, – учения Джордано Бруно и его отважные попытки повернуть застывшее сознание при таких обстоятельствах многим казались настоящим сумасшествием, делом,

обреченным уже с самого начала. Казались многим – но не ему.

Новым языком говорил он о гелиоцентрической системе, о бесконечной, вечно трансформирующейся Вселенной, о бесконечном числе параллельных миров, форм жизни и эволюции, содержащихся в ней, об одном, Едином Боге, проявляющемся не через церковные догмы, а через бесконечные и многообразные формы существования в Космосе.

Он призывал вернуться к истокам, к герметической традиции Египта, Индии, Персии, Греции, Рима, и считал их лишь разными сторонами великой Универсальной Мудрости – Софии, не признающей первенства какой-либо одной эпохи, культуры, религии или философского течения.

Он говорил о Магии как о сумме священных действий, посредством которых отражались и применялись бы в жизни принципы и законы, руководящие Вселенной, а также вечные духовные и моральные законы, руководящие человеком.

Он говорил о глубоких духовных потенциалах в человеке и учил тому, как они пробуждаются и развиваются через комплексные и целостные системы Памяти и Воображения. Он воспевал великую Небесную Любовь, вдохновляющую каждого философа – «любящего мудрость».

Он говорил о качествах героя, спящих в душе каждого искателя истины, ибо только мечтать недостаточно, Идея должна быть выстрадана нами, и за нее нужно сражаться. Он пытался достучаться до сознания своих современников

не только беседами, лекциями, многочисленными философскими и научными трудами, но и своими стихами, красоте и глубокому смыслу которых мог бы позавидовать любой поэт.

Джордано Бруно родился в 1548 году в Италии, в маленьком местечке Нола близ Неаполя, неподалеку от Везувия. Воспоминания детства, глубокая ностальгия по родным краям сопровождали его до конца жизни. Оттуда и прозвище, которым любил представляться Джордано Бруно, – Ноланец.

1559–1565 годы: учится в Неаполе в частной гуманистической школе. Читает запрещенные книги, посещает запрещенные круги неаполитанских ученых и философов, участвует в диспутах, знакомится с трудами Коперника и с мировоззрением натурфилософии.

1565–1575 годы: согласно семейной традиции, поступает в монастырь, в орден доминиканцев. Очень скоро он становится свидетелем «фарса» и «фальши», пронизывающих монастырскую жизнь. Его огненная натура не может не реагировать, он выступает против идолопоклонства образам святых и абсурдных толкований в молитвенниках и церковных книгах, а также разоблачает монахов как «воплощение пороков и невежества».

Впоследствии он подвергается преследованиям орденской инквизиции, которая дважды привлекает его к суду и сурово наказывает. В монастыре Бруно пишет первый труд – «Ноев ковчег», сатирическую поэму, в аллегориях разоблачающую многочисленные споры между разными теориями,

догмами и верованиями внутри института церкви.

В период пребывания в монастыре, в 1571 году, он посещает Рим и папский двор, где перед его святейшеством римским папой Пием V излагает свое учение об искусстве памяти.

В 1575 году он получает ученую степень доктора теологии и защищает докторскую диссертацию, ссылаясь в многочисленных своих беседах и диспутах на многих философов древнего мира, вдохновляющих его мировоззрение и являющихся его предшественниками. Он упоминает жрецов Египта и Тота-Гермеса Трисмегиста, магов Халдеи и Ассирии, учения Зороастра, «гимнософистов» Индии, Орфея, Пифагора, Платона, Плотина, неоплатоников, кардинала Кузанского, Коперника, Парацельса и многих других.

1576 год: в Риме на него поступает серьезный донос, в котором его обвиняют в эклектизме и в еретических мыслях и высказываниях и настаивают на необходимости вмешательства инквизиции. Чтобы не попасть в ее когти и избежать тюрьмы, Джордано Бруно тайно покидает Рим. Окончательно оставив монастырь и духовный сан, он становится отступником, преследуемым всеми.

Дальнейшая его жизнь продолжается в вечных скитаниях по Европе. Его отважные учения, огненная, темпераментная натура непримиримого врага любой фальши, его прямые, яркие и острые высказывания, попадающие прямо в точку, врожденные честность, благородство и искренность, —

все это приводит в бешенство представителей самых разнообразных официальных кругов, религиозных, научных и философских, навлекая на Джордано Бруно жгучую ненависть и преследование многих, даже тех, кто в отношениях между собой проявлял вражду и нетерпимость.

На Джордано Бруно буквально охотились со всех сторон, поэтому он вынужден был покидать все города, в которых временно останавливался.

В своей жизни, сам того не желая, он воплощал образ настоящего Дон Кихота, одинокого странствующего рыцаря без страха и упрека, не имеющего ничего своего – ни дома, ни уголка, ни семьи, ни возлюбленной, но имеющего зато свои Идеи и очень много учеников и единомышленников по всей Европе, которых ему удалось вдохновить и зажечь.

1576–1579 годы: скитания по Италии. Венеция, Падуя, Савона, Турин, Милан, Генуя – лекции, беседы, диспуты, доносы на него.

1579–1580 годы: Женева, Швейцария. Работает помощником в типографии и параллельно проводит факультативные занятия в Женевском университете. Публично защищает Парацельса и сражается за новое видение медицины. Публично разоблачает проповедников богословия и официальных врачей-шарлатанов. За еретические высказывания и за «оскорбление святой реформации» предан двойному суду: городского совета и кальвинистской инквизиции. Благодаря помощи друзей бежит во Францию.

1580–1583 годы: Франция. Читает лекции перед десяти-тысячной аудиторией в университете города Тулузы. Часть профессуры и студентов, возмущенная его смелыми взглядами, доносит на него. Бруно вынужден покинуть город.

1581 год: Париж. Перед королем Генрихом III Бруно излагает свою теорию памяти. Пишет книгу на эту тему – «О теньях Идеи» – и посвящает ее королю. Назначается неординарным профессором Сорбоннского университета. Издает свои первые труды. На лекциях и занятиях, помимо остальных тем, публично защищает знаменитого философа и мистика Корнелия Агриппу и пишет «Трактат о магии» как продолжение учения Агриппы. На него доносят. Во избежание тюрем инквизиции вынужден покинуть Париж и бежать в Англию.

1583–1585 годы: Англия, Лондон. Бруно живет при дворе французского посла и имеет свободный доступ ко двору королевы Елизаветы, где в дворянских, научных, философских кругах встречается с выдающимися представителями своей эпохи. Здесь происходит его встреча с Шекспиром, который цитирует некоторые высказывания Бруно в своем «Гамлете» и выводит его в одном из персонажей «Ромео и Джульетты».

В Лондоне Бруно издает самые известные свои труды: «Пир на пепле», «О бесконечности, вселенной и мирах», «О причине, начале и едином», «О героическом энтузиазме», «Изгнание торжествующего зверя».

Страшный скандал начинается после очередных выступ-

лений в Оксфорде – цитадели пуританства и богословия, где перед теологами и схоластами Бруно публично встает на защиту нового миропонимания и представляет учение о бесконечности и бесчисленности миров. Так как без инквизиции дело не обошлось, Бруно вынужден покинуть Англию и бежать во Францию.

1585–1586 годы: Франция, Париж. Настоящая буря разразилась после выступления Бруно в Сорбонне против Аристотеля и перипатетиков в защиту Платона и Пифагора и после выхода «120 статей», изданных на эту тему.

Схема повторяется: донос студентов и докторов богословия – инквизиция – побег в Германию.

1586–1592 годы: города Германии, визит в Прагу. В Виттенберге Бруно произносит свое знаменитое «Прощальное слово».

На полгода он останавливается в Праге, при дворе императора Рудольфа II, покровителя философов, алхимиков и ученых. Помимо проведения диспутов и лекций в Праге Бруно издает две книги, одну из которых посвящает императору.

В Гельмштедте и Франкфурте он издает 13 важных философских трудов. Из самых известных можно назвать «Трактат о магии», «О медицине», «О бесконечных мирах».

Первый раз за годы долгих странствий Бруно покидает страну по своей воле. Он принимает приглашение молодого аристократа приехать в Венецию и научить его своей мудро-

сти. Это было началом конца.

Ключи к философии Бруно

Философия Бруно многогранна и затрагивает комплекс самых разнообразных вопросов. Мы приводим несколько основных ее положений.

О ВСЕЛЕННОЙ

В своей концепции Вселенной Джордано Бруно не ограничивается выступлениями в защиту учения Коперника о гелиоцентрической системе, считая, что эта теория интересна не только с математической точки зрения, а прежде всего завораживает своим метафизическим и мистическим смыслом.

Если Коперник на гелиоцентрическую систему смотрит глазами астронома и математика, то для Бруно она является только одним «иероглифом» среди многочисленных священных знаков, отражающих Божественные Мистерии Вселенной. Воображение Бруно рисует те дали, существование которых с математической точки зрения подтверждает, причем не полностью, только наука XX века. О нашей Солнечной системе он образно говорит как о маленьком атоме, развивающемся и продвигающемся среди бесконечного числа ему подобных, внутри великого живого организма – нашей Вселенной, не имеющей ни начала, ни конца. Наша Вселен-

ная бесконечна. Она состоит не только из клеток — галактик, но также из множества параллельных миров, постоянно трансформирующихся; в них проявляется бесконечное количество форм жизни и принципов эволюции.

О ЕДИНОМ

Понятия Бога и Единого (Единства) отождествляются. Бог есть везде и во всем, но Он также находится и за пределами проявленного Космоса, и за пределами любого вида сознания. Он одновременно «везде» и «во всем» и за пределами этого «везде» и этого «всего». Он отождествляется со Вселенной, истекающей из Него, но в то же время Он от нее существенно отличается. Высший Разум, Душа и Субстанция· Материя — вот три лица Бога.

О МАГИИ

Принимая за основу герметическую традицию, Бруно понимает Магию как совокупность священных действий, отражающих божественные законы Вселенной. Вселенная — это единое целое, оживленное *Anima Mundi*, всепроникающей Космической Душой.

Таким образом, во Вселенной все связано между собой вибрациями взаимной симпатии, по принципу сообщаю-

щихся сосудов. Как вверху, так и внизу. Если воздействовать на какую-нибудь точку Вселенной, то это воздействие и его последствия будут отражаться и на всех остальных по принципу резонанса, словно волны, расходящиеся по поверхности воды после того, как в нее брошен камень.

Все есть Музыка Сфер, и все является частью мистической души и тела Вселенной. Все связано между собой невидимыми нитями симпатий и антипатий, сочетания и несочетания.

Искусство мага состоит в том, чтобы подключиться к этой Музыке Сфер, стать частью этой бесконечной «сети» симпатий, пронизывающих всю Вселенную, понимать суть космического принципа аналогии и уметь владеть им и таким образом стать проводником гармонии Неба на Земле.

Бруно говорит о трех видах магии, о священных действиях, соответствующих законам и познанию трех миров: метафизической магии, или теургии, математической магии и натуральной магии, или магии Природы.

Для Бруно магия в таком понимании является не отдельной специальностью и не отдельным видом познания, а образом жизни, универсальной философией, путем Ученичества. Истинный маг должен сочетать в себе достоинства ученого, философа (мудреца), мистика и героя, «этот человек способен дойти до такого уровня совершенства внутри себя, чтобы трансформироваться, превратить себя в Образ – отражение Вселенной и завоевать таким способом мощь, кото-

рую несет сама Природа».

О ВООБРАЖЕНИИ И ПАМЯТИ

Для Бруно эти механизмы дают возможность прямого применения божественных принципов Магии. В их основе лежит стремление и возвращение к добру, к истине и к прекрасному. Сила, движущая ими, – это Героическая Любовь и Героический Энтузиазм.

Воображение и память являются двумя сторонами единого процесса познания Божественного через Природу. Воображение – как путь, канал Души, связь между «Небом» и «Землей», миром «Вечного» и миром «Преходящего». Память не просто как процесс запоминания, а как искусство, дающее возможность зафиксировать следы Бога в Природе.

Оба они являются лучшей терапией для Души и для Духа, пробуждающей в человеке его глубокие потенциалы и силы, связанные с «воспоминанием о Вечном».

Искусство памяти основывается на использовании ментальных, символических, архетипальных образов, связанных одной архетипальной нитью. Эти символические образы, оживленные воображением, организованные в особом «священном пространстве сознания» и создающие таким способом своего рода «семью архетипальных символов», размещаются внутри комплексной системы динамичных колес, вращающихся и взаимодействующих между со-

бой, подобно созвездиям на небе.

Каждый ученик, пользуясь системой колес, понимает сочетание создающих их символов и их постоянную трансформацию в соответствии с состоянием своей души и сознания, под обязательным руководством Учителя. Живые архетипальные символы, с которыми он работает, дают доступ к источникам универсального познания.

О ГЕРОЕ

Проявляя сверхчеловеческие усилия, Герой стремится к тому, чтобы вырваться из объятий материи, освободиться от притяжения всего преходящего и недолговечного, так как душа его, исполненная истинной Ностальгии, тяги к Вечному, к Божественному, испытывает настоящие страдания, осознавая, как далеко он находится от всего этого.

Цель Героя состоит не только в том, чтобы слиться с Божественным, но также и в том, чтобы, двигаясь к нему, стать проводником Божественных Принципов и Идей через Мечту, за которую можно было бы сражаться на земле.

Движущей силой на этом пути является Небесная Любовь в самом высоком смысле этого слова, «Любовь, дающая крылья», проявляющаяся в том числе через мистический энтузиазм Героя.

Для того, чтобы Герой мог выполнить свою миссию, осуществить Мечты и слиться в конечном итоге с Божествен-

ным, он должен столкнуться с семью формами слепоты внутри себя и вокруг и пробудить в себе семь добродетелей, составляющих природу Героя.

Смерть Бруно

История повторяется. Конец философа начинается с измены его учеников. В 1591 году молодой аристократ Джованни Мочениго приглашает Бруно в Венецию, в свой дом, с просьбой обучить его «тайнам философии». Отношения учителя и ученика с самого начала складываются плохо. Мелочная, поверхностная и эгоистичная природа Мочениго, пронизанная страхом и праздноверием и требующая «экзотической информации», не могла объять широкие дали и глубокую мудрость учения Бруно.

Практически сразу он начинает обвинять Бруно в «демоническом пакте с дьяволом» и, противореча самому себе, упрекает его в «неисполнении данного ему обещания», обвиняя учителя в том, что тот учит его абстрактным моральным теориям и не открывает тайн магии. Чтобы отомстить за обиду и неудавшийся шантаж, он пишет донос на Бруно и предаёт его инквизиции «по велению совести и приказу исповедника». В ночь ареста Бруно Мочениго крадёт все его рукописи и передает их дальше «по назначению», став, таким образом, виновником уничтожения ценнейших философских трудов. Он же передает в руки инквизиции тот материал, на основании которого философа осуждают на смерть.

Пребывание Бруно в тюрьмах инквизиции было долгим и

мучительным. Ситуация ухудшается, когда в 1593 году его переводят в тюрьму инквизиции в Риме, где он и остается до дня своей казни.

В течение семи лет философа содержат в тюрьме в ужаснейших условиях, подвергают постоянным допросам и мучительным телесным пыткам, надеясь сломить его волю, добиться его раскаяния и отречения от всех своих идей и учений, признания заключенной в них ереси.

Все документы и свидетельства современников подтверждают, что Бруно держался с непоколебимым мужеством, твердостью и непримиримостью. Чем дольше продолжались пытки, тем сильнее становилось священное упорство философа, отвечающего на все вопросы одними и теми же словами: «Я не должен и не желаю отречься, мне не от чего отречься, я не вижу оснований для отречения...»

Смертный приговор Бруно был изложен инквизицией в пяти документах: «Призвав имя господа нашего Иисуса Христа и его преславной матери приснодевы Марии... называем, провозглашаем, осуждаем, объявляем тебя, брата Джордано Бруно, нераскаянным, упорным и непреклонным еретиком... Ты должен быть отлучен, как мы тебя отлучаем от нашего церковного сонма и от нашей святой и непорочной Церкви, милосердия которой ты оказался недостоин...»

Услышав приговор, в зловещей тишине Джордано Бруно произносит последние слова перед смертью: «Кажется, что вы с большим страхом произносите приговор, чем я выслу-

шиваю его».

Образцом чудовищного лицемерия является просьба о более мягкой казни для Бруно – «без пролития крови, учитывая посмертную судьбу» его «еретической души». На самом деле просьба состояла в том, чтобы из двух форм казни, предусмотренных для еретиков, выбрать вторую – осужденного не четвертовать раскаленными щипцами (так как в этом случае его душа попадет в ад), а сжечь без пролития крови (такой вариант оставляет еще шанс на пребывание души в раю).

Казнь состоялась 17 февраля 1600 года на Площади Цветов в Риме. Отмечая очередной церковный праздник, город бурлил сотнями тысяч паломников. Во всех церквях читались мессы, распевались псалмы, шествия с образами святых отовсюду направлялись к собору Святого Петра. Костры на Кампо ди Фьори входили в обычную программу праздника. Еще папа Климент VIII провозгласил, что перед началом церковных торжеств нужно воздать хвалу Господу святым делом – осуждением и сожжением еретиков. Казнь Бруно происходила под утро, при свете факелов. Чтобы продлить мучения казнимого, сначала развели небольшой костер и постепенно усиливали огонь, подбрасывая сухой хворост. Все то время, пока пламя постепенно пожирало тело философа, его живой взгляд не переставал скользить по собравшейся толпе. Бруно умер молча, не проронив ни слова, не издав ни стоны.

Так ушла с арены этого мира Душа одного из благороднейших людей эпохи Возрождения, оставив за собой божественные следы.

В качестве эпитафии мы процитируем слова профессора Х. А. Ливраги: «Никогда не забывайте: следы Титана разные, но звезды, отражающиеся в этих следах, – всегда одни и те же...»

*Елена Сикирич,
президент культурной ассоциации
«Новый Акрополь» в России*

О ПРИЧИНЕ, НАЧАЛЕ И ЕДИНОМ

DE LA CAUSA,
PRINCIPIO E UNO
1584

Перевод М. А. Дынника

*Печатается по изданию: Джордано Бруно.
Диалоги. – М.: Госполитиздат, 1949.*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО, написанное знаменитейшему СИНЬОРУ МИКЕЛЮ ДИ КАСТЕЛЬНОВО¹,

синьору ди Мовисьеро, Конкресальто и ди Жонвилля, кавалеру Ордена христианнейшего короля, советнику Его тайного совета, капитану 50 солдат и послу у светлейшей королевы Англии

Знаменитейший и единственный кавалер, обращая взоры от созерцания к восхищению вашим великодушием, настойчивостью и заботливостью, при помощи которых вы, прибавляя услугу к услуге, благодеяние к благодеянию, меня победили, обязали и связали и обычно преодолеваете все трудности, избегаете любой опасности и приводите в исполнение все ваши почетнейшие намерения, я начинаю понимать, сколь удачно вам подходит тот благородный девиз, которым вы украшаете свой грозный нашлемник, где та текучая влага,

¹ *Микель де Кастельново* (фр. Мишель де Кастельново) – французский дипломат, военный и государственный деятель XVI в. С 1575 г. посол в Англии. Покровитель и близкий друг Бруно. В его семье в качестве секретаря Бруно прожил, возможно, счастливейшее время в своей жизни (с лета 1583 г. по октябрь 1585 г.). Ему Бруно посвятил свои итальянские диалоги (в том числе оба публикуемых здесь).

что нежно ранит, кадая непрерывно и часто, благодаря своей настойчивости размягчает, выбивает, растирает, ломает и утончает некий плотный, жесткий, твердый и грубый камень.

С другой стороны, вспоминая, что вы (не говоря уже об остальных ваших главных подвигах), благодаря божественному препоручению и высокому провидению и предназначению, являетесь для меня достаточным и сильным защитником от несправедливых оскорблений, какие я претерпеваю (где нужно было обладать духом поистине героическим, чтобы не опустить рук, не отчаяться и не дать себя победить столь стремительному потоку преступной лжи, при помощи которой из всей силы меня осуждала зависть невежд, предубеждение софистов, клевета недоброжелателей, нашептывания прислужников, злословие корыстолюбцев, неприязнь челяди, подозрения глупцов, недоумения болтунов, усердие лицемеров, ненависть варваров, бешенство плебеев, неистовства людей известных, сетования побитых, вопли наказанных; где недоставало лишь грубой, глупой и коварной злобы женщины, чьи лживые слезы обычно более могущественны, чем любые вздувшиеся волны и грозные бури предубеждений, зависти, злословия, нашептываний, предательств, гнева, злобы и неистовства); вот вижу я здесь ту устойчивую, крепкую и постоянную скалу, что вновь возникает и показывает верхушку над вздымающимся морем, что ни гневным небом, ни из страха перед непогодой, ни от могучих ударов вздувшихся волн, ни стремительны-

ми воздушными бурями, ни могучим дыханием Аквилона ничуть не сталкивается, не сдвигается и не сотрясается, но тем более укрепляется и подобной субстанцией окаменевают и облекается. Вы же одарены двойной добродетелью, благодаря которой могущественными становятся текущие и нежные капли, и тщетно грозятся бурные волны, и крепкий камень становится слабым против капель, и могучая вздымается против потоков теснимая ими скала. Вы одновременно безопасная и спокойная гавань для истинных муз и губительный утес, о который разбиваются лживые снаряжения и наступательные действия враждебных им кораблей. Меня же никто никогда не мог обвинить в неблагодарности, никто не порицал за невоспитанность и никто по справедливости не мог на меня пожаловаться. Ненавидимый глупцами, презираемый низкими людьми, хулимый неблагородными, порицаемый плутами и преследуемый зверскими отродьями, я любим людьми мудрыми; ученые мной восхищаются, меня прославляют вельможи, уважают владыки и боги мне покровительствуют. Благодаря такому столь великому покровительству вами я был укрыт, накормлен, защищен, освобожден, помещен в безопасном месте, удержан в гавани, как спасенный вами от великой и гибельной бури. Вам я посвящаю этот якорь, эти снасти, эти разорванные паруса и эти товары, самые дорогие для меня и самые драгоценные для будущего мира, с тем чтобы ваше покровительство спасло их от потопления в преступном, мятежном и враждебном мне

океане. Они-то, покоясь в священном храме Славы, мощно сопротивляясь наглости невежества и прожорливости времени, вечно будут свидетельствовать о вашем победоносном покровительстве, с тем чтобы мир знал, что благородное и божественное потомство, вдохновленное возвышенной мудростью, зачатое размеренным чувством и порожденное ноланской музой, благодаря вам не умерло в завязи и надеется жить до тех пор, пока земля будет поворачивать свою живительную поверхность к вечному зрелищу других сияющих звезд.

ДЖОРДАНО НОЛАНСКИЙ К НАЧАЛАМ ВСЕЛЕННОЙ

Вновь направляя свой бег в высоту из Летейских пределов,
Ты появишься, о Титан, в круге светил, я молю.
Хоры блуждающих звезд, я к вам свой полет направляю,
К вам поднимусь, если вы верный укажете путь.
Ввысь увлекая меня, ваши смены и чередованья
Пусть вдохновляют мой взлет в бездны далеких миров.
То, что так долго от нас время скупое скрывало,
Я обнаружить хочу в темных его тайниках.
Что же мешает твоим, ум озабоченный, родам?
Следует ли эту дань грубому веку отдать?
Землю потоки теней покрывают, – однако вершину

Все же ты, о наш Олимп, к яркому солнцу вздымай.

К СВОЕМУ ДУХУ

Ты глубоко, гора, в земле залегаешь корнями,
Но неудержно стремишь к звездам вершину свою.
Ум, высочайший предел ты всех вещей постигаешь,
Солнечный свет оттенив мраком подземных глубин.
Так не теряй своих прав и понапрасну не медли
Там, где потоки свои мрачный струит Ахеронт.
Смело стремись в высоту, в отдаленные сферы природы,
Ибо вблизи Божества ты запыхаешь огнем.

К ВРЕМЕНИ

Старец медлительный ты, ты же быстрое. И замыкаешь
И размыкаешь. Назвать добрым тебя или злым?
Щедрость и скупость – все ты. Дары принося,
их уносишь.
Если ты что породишь, ты же убийца ему.
Все, что наружу несешь, ты вновь укрываешь в глубинах.
Все, что явило на свет, жадно глотаешь опять.
Так как ты все создаешь и так как ты все разрушаешь,
Я затрудняюсь назвать добрым тебя или злым.

Там же, где грозный удар в бешенстве ты замышляешь,
Злой угрожая косою, руку свою удержи;
Где отпечатки следов Хаос угрюмый скрывает,
Добрым себя не являй и не являй себя злым.

О ЛЮБВИ

Любви доступны истины вершины.
Сквозь адамантовы проникнув ограждения,
Мой гений свет несет; для наблюденья
Рожден, живет он вечным властелином;
Земли, небес и адовой стремнины
Правдивые дает изображенья,
Врагам наносит смело пораженья,
Внедряется в сердечные глубины.
Чернь низкая, зреть истину старайся.
Прислушайся к моим словам нелживым.
Безумная, раскрой глаза со мною.
Ребенком звать любовь ты не пытайся.
Сама изменчива – ты мнишь ее пугливой,
Незрячей будучи – зовешь ее слепую.

* * *

Единое, начало и причина,
Откуда бытие, жизнь и движение,
Земли, небес и ада порожденья,
Все, что уходит вдаль и вширь, в глубины.
Для чувства, разума, ума – картина:
Нет действия, числа и измеренья
Для той громады, мощи, устремленья,
Что вечно превышает все вершины.
Слепой обман, миг краткий, доля злая,
Грязь зависти, пыл бешенства с враждою,
Жестокосердье, злобные желанья
Не в силах, непрерывно нападая,
Глаза мои задернуть пеленою
И солнца скрыть прекрасное сиянье.

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ

Собеседники:

Элитроний, Филотей, Армесс²

Элитроний. Как узники, привыкшие к мраку, освобожденные из глубины темной башни, выходят к свету, так многие, изощрившиеся в вульгарной философии, страшатся, восхищаются и приходят в замешательство, не будучи в силах переносить новое солнце твоих ясных понятий.

Филотей. Недостаток происходит не от света, но от глаз: чем более прекрасным и ярким будет солнце само по себе, тем более ненавистным и особенно неприятным оно будет для глаз ночных сов.

Элитроний. Трудное, редкое и необычное дело предпринимаешь ты, о Филотей, поскольку ты хочешь их вывести из мрачной пропасти к открытому, спокойному и ясному виду звезд, которые мы видим рассеянными в таком прекрасном разнообразии по синему плащу неба. Хотя твое благочестивое усердие будет только полезно людям, тем не менее нападки неблагодарных по отношению к тебе будут столь же разнообразны, сколь разнообразны те животные, которых благосклонная Земля порождает и возвращает в своем материн-

² Имя *Теофил* («любящий Бога») как бы отождествляется с Бруно (как и *Филотей*). *Элитроний* («обращенный к солнцу») – последователь Бруно.

ском и обильном лоне, если только верно, что человеческий род, в частности в каждом своем индивидууме, показывает разнообразие всех других, так что в каждом человеческом индивидууме целое проявляется более выразительно, чем в индивидуумах других видов. Вот почему некоторые, подобно подслеповатому кроту, лишь только почувствуют открытый воздух, как уже снова, разрывая землю, устремляются к своим родным темным тайникам. Другие, как ночные птицы, едва только увидят, что с ясного востока восходит розовая посланница солнца, как из-за слабости своих глаз стремятся скрыться в свои мрачные убежища. Все одушевленные существа, скрывающиеся от лика небесных светил и предназначенные для вечных расселин, провалов и пещер Плутона, призванные ужасным и мстительным зовом Алект³, раскрывают крылья и быстро направляются к своим жилищам. Но все те одушевленные существа, которые рождены для того, чтобы видеть солнце, радуясь окончанию ненавистной ночи, возблагодарив благосклонность неба и приготовившись воспринять центрами шаровидных кристаллов своих глаз столь сильно желанные и долгожданные лучи, сердцем, голосом и руками поклоняются востоку. После того как прелестный Титан погнал своих пламенных коней с золотого востока, нарушая снотворное молчание влажной но-

³ *Алект* — одна из Эриний, богинь мести в греческой мифологии. Они обитают в подземном царстве, появляясь на земле, чтобы сеять вражду, безумие и месть. В другом значении Алект (греч. «пегух») – предвестник восхода солнца.

чи, начинают рассуждать люди, блять невинные, беззащитные и покрытые руном отары, мычать рогатые стада под наблюдением грубых земледельцев. Ослы Силеня режут, чтобы снова, защищая смущенных богов, устрашать глупейших гигантов⁴; поворачиваясь на своем грязном ложе, назойливым хрюканьем оглушают их здоровенные свиньи. Тигры, медведи, львы, волки и лживые лисицы, высывая головы из своих берлог, с пустынных высот наблюдают ровное поле охоты, выпуская из своих звериных глоток хрюканье, рычание, вой, рев, рыкание и рывкание. В воздухе и под листвой ветвистых деревьев петухи, орлы, павлины, журавли, горлинки, скворцы, воробьи, соловьи, галки, сороки, вороны, кукушки и цикады, не мешкая, отвечают и удваивают свое шумливое щебетание. И еще с водной неустойчивой поверхности белые лебеди, пестрые утки, хлопотливые гагары, болотные чирки, хриплые гуси, жалобно квакающие лягушки наполняют уши своим шумом, так что жаркий свет солнца, рассеявшись в воздухе этого более счастливого полушария, будет сопровождаться приветствиями, быть может даже докучными, столь многих и столь разнообразных голосов, сколь разнообразны животные, которые их издают.

Филотей. Не только обычно, но и естественно и необходимо, чтобы каждое одушевленное существо подавало свой го-

⁴ Имеется в виду миф, когда Юпитер созвал богов, чтобы объявить войну гигантам. Среди прочих богов приехал Вакх со свитой Силенов – на ослах, которые при виде гигантов подняли рев и обратили последних в бегство.

лос, и невозможно, чтобы животные производили членораздельные звуки и делали правильные ударения, как люди, ибо противоположны их телосложения, различны вкусы и неодинаково питание.

Армесс. Пожалуйста, дайте мне возможность сказать также и со своей стороны не относительно света, но относительно некоторых обстоятельств, не столь увеселяющих внешние чувства, сколь тревожащих внутреннее чувство того, кто видит и наблюдает. Ибо ради вашего мира и вашего покоя, которых с братской любовью я вам желаю, я не усмотрел, чтобы из ваших разговоров могли быть образованы комедии, трагедии, элегии и диалоги, подобные тем, которые, будучи недавно выпущены вами в свет, заставили вас замкнуться и уединиться в своем жилище.

Филотей. Говорите свободно.

Армесс. Я не буду говорить, как святой пророк, как отвлеченный созерцатель, как апокалиптический кудесник или как ангелоподобная валаамская ослица; и не буду рассуждать, как вдохновенный Вакхом, как надувшийся ветром распутных муз Парнаса, или как Сибилла, оплодотворенная Фебом, или как вещая Кассандра, как наполненный от головы до пяток аполлониевым вдохновением, как прорицатель, просветленный оракулом или дельфийским треножником, как Эдип, распутывающий хитросплетения Сфинкса, как Соломон, разгадывающий загадки царицы Савской, как Калхас, истолкователь олимпийского совета, как вдохновен-

ный Мерлин или как человек, ушедший из грота Трофония⁵. Но я буду говорить обычным и общераспространенным способом, как человек, который имеет совершенно другие намерения, чем дистиллировать сок большого и малого мозга, пока у него не останется в качестве сухого остатка твердая и нежная оболочка головного мозга; как человек, говорю я, который не имеет другого мозга, кроме своего собственного, которому отказывают в своем благоволении даже последние боги на Олимпе, составляющие небесную челядь (те, говорю я, которые не едят амброзии и не пьют нектара, но утоляют жажду подонками из бочки и разлитым вином, если не хотят удовольствоваться водой и нимфами; те, говорю я, которые обычно бывают более близкими к нам, более интимными и более разговорчивыми), как, например, бог Вакх или Силен – пьяный наездник на осле, Пан, Вертумн, Фавн, Приап, не устаивающие уделить мне больше того, что они обычно сообщают даже своим лошадям.

Элитроний. Слишком длинное предисловие.

Армесс. Терпение, – заключение будет коротким. Выра-

⁵ *Трофоний* — греческий герой, известный как прорицатель. Его прорицалище находилось в Лейбадейской пещере. Вышеперечисленные прорицатели и мудрецы были знамениты своей интуицией, а также способностью улавливать и толковать божественные пророчества. Нижеперечисленные *Пан*, *Вертумн*, *Фавн* и *Приап* – боги, покровительствующие производительным силам природы, земледелию и виноделию. Обычно с ними связаны оргии и экстатические культы. В древности различали вдохновение, полученное от оракула олимпийских богов и экстатическое вдохновение, родственное священному безумию, полученному в процессе вакханалии.

жаясь кратко, я дам вам возможность услышать слова, которые не нужно разъяснять, как бы подвергая их дистилляции, перегоняя в реторте, вываривая в ванне и сублимируя по рецепту квинтэссенции; но это будут слова, вложенные мне в голову кормилицей, которая была почти столь же толстокожа, грудаста, пузата, крутобедрa и толстозада, как и та лондонка, которую я видел в Вестминстере; ее желудок согревался парой грудей, которые были равны сапогам гиганта Сан-Спарагорио и которые, если бы обработать их на кожу, наверно, образовали бы две феррарские волынки.

Элиотропий. На этом следовало бы закончить предисловие.

Армесс. Сверх того, в заключение я хотел бы, чтобы вы объяснили (оставляя в стороне голоса и звуки, вызванные светом и блеском вашей философии), какими бы голосами хотели бы вы, чтобы мы, в частности, приветствовали тот блеск учения, который возник из книги «Пир на пепле»⁶? Какие это животные читали «Пир на пепле»? Я спрашиваю, водные ли это или воздушные, земные или лунные? И, оставляя в стороне предложения Смита, Пруденция, Фруллы, я хочу знать, ошибаются ли те, кто говорит, что ты обладаешь

⁶ Первый диалог не имеет непосредственной связи с четырьмя основными, где обсуждается вопрос о Причине, Начале и Едином. Он был написан позже и представляет собой апологию «Пира на пепле». В диалоге «Пир на пепле» разбираются астрономические воззрения Бруно и Коперника о бесконечности Вселенной, бесчисленности миров и т. д. Смит, Пруденций и Фрулла – собеседники в диалоге «Пир на пепле».

голосом бешеной и яростной собаки, а кроме того, что ты поступаешь то как обезьяна, то как волк, то как сорока, то как попугай, то как одно животное, то как другое, перемешивая предложения трудные и серьезные, нравственные и физические, подлые и благородные, философские и комические?

Филотей. Не удивляйтесь, братец, потому что это было не что иное, как пирушка, где мозги начинают управляться чувствами, внушаемыми им действием вкусов и запахов, напитков и пищи. Каковым может быть материальный и телесный пир, таким же точно оказывается словесный и духовный. Итак, этот диалогический пир имеет свои различные и разнообразные части в той же мере, как и тот, другой, имеет различные и разнообразные свои части; равным образом первый имеет специфические условия, обстоятельства и средства, подобно тому как и второй может иметь свои.

Армесс. Пожалуйста, помогите мне понять.

Филотей. Там, как это принято и как нужно, обычно находятся обыкновенная пища и салат, фрукты и домашние кушанья из кухни и из аптеки, для здоровых и для больных, холодные и горячие, в сыром виде и печеные, из животных, обитающих в воде и на земле, домашних и диких; жареное и вареное, созревшее и зеленое; вещи, которые служат только для питания, и такие, которые угождают вкусу; солидные и легкие, соленые и пресные, грубые и тонкие, горькие и сладкие! Так же и здесь с определенной последовательностью вам явились противоположности и разновидности, при-

способленные к противоположным и разнообразным желудкам и вкусам тех, кому случилось присутствовать на нашем символическом пире, с тем чтобы никто не жаловался, что напрасно присоединился, а кому это не нравится, тот пусть примет участие в каком-либо другом пиршестве.

Армесс. Верно. Но что же ты скажешь, если кроме того на вашем пиру, на вашем ужине окажутся вещи, непригодные ни для салата, ни для пищи, ни для фруктов, ни для обычных кушаний, ни холодные, ни горячие, ни сырые, ни печеные; которые не удовлетворяют аппетита и не утоляют голода, не пригодны ни для здорового, ни для больного и, как оказывается, не вышли ни из рук повара, ни из рук аптекаря.

Филотей. Ты увидишь, что и в этом отношении наш пир не отличается от любого другого. Так же как и там, при самом лучшем угощении или же тебя обожжет какой-нибудь слишком горячий кусок, так что необходимо снова выбросить его наружу либо со слезами и плачем заставить его продвигаться по небу, пока не удастся его проглотить при помощи сильного толчка глотки; или у тебя заболит какой-нибудь зуб; или же пострадает твой язык, прикушенный благодаря хлебу; или какой-нибудь камушек поломает тебе зубы и поместится в них, заставляя тебя дышать всем ртом; или какой-нибудь кусок кожи или волос повара пристанет к твоему небу, вызывая у тебя рвоту; или же какая-нибудь рыбья кость остановится в твоём горле, заставляя тебя слегка кашлять; или же застрянет у тебя в глотке какая-нибудь ко-

сточка, подвергая тебя опасности задохнуться, — так и на нашем пире, благодаря общему нашему неудобству, находятся вещи, соответствующие и аналогичные этим. Все это происходит из-за прегрешения древнего прародителя Адама, из-за которого развращенная человеческая природа осуждена всегда иметь неприятности, присоединенные к приятному.

Армесс. Благочестиво и свято. Но что вы ответите тем, кто говорит, что вы взбешенный циник?

Филотей. Я легко соглашусь с этим, если не целиком, то отчасти.

Армесс. Но знаете ли вы, что не так достойно порицания получать оскорбления, как наносить их?

Филотей. Для меня достаточно, что мои могут быть названы воздаянием, другие же были нападением.

Армесс. Даже боги могут получать оскорбления, претерпевать клевету и переносить хуления, но хулить, клеветать и оскорблять свойственно людям грубым, низким, ничтожным и преступным.

Филотей. Это верно. Однако мы не оскорбляем, но, стремясь к тому, чтобы к полученным неприятностям не присоединялись еще другие, отражаем оскорбления, сделанные не столько нам, сколько пренебрегаемой философией.

Армесс. Вы желаете, следовательно, казаться кусающейся собакой, чтобы никто не решался вас беспокоить.

Филотей. Это так, ибо я стремлюсь к спокойствию, и мне неприятны оскорбления.

Армесс. Так; но считают, что вы поступаете слишком решительно.

Филотей. С тем чтобы они не вернулись в другой раз и чтобы другие научились не вступать в диспуты со мной и с другими, пользуясь для этих умозаключений подобными средними терминами.

Армесс. Оскорбление было частным, месть — публичной.

Филотей. От этого она не становится несправедливой, ибо многие ошибки, которые по справедливости наказываются публично, совершаются частным образом.

Армесс. Но благодаря этому вы портите свою репутацию и делаете себя более хулимым, чем они, ибо публично будут говорить, что вы нетерпеливы, фантастичны, странны и легкомысленны.

Филотей. Я не озабочен этим. Лишь бы только они или иные не беспокоили меня, и для этого я показываю им палку циника, чтобы они оставили в покое меня с моими делами, и если они не желают меня ласкать, то зато они воздерживаются от проявления своей невежливости по отношению ко мне.

Армесс. Кажется ли вам, что достойно философа прибегать к мести?

Филотей. Если бы те, кто меня беспокоит, были Ксантиппой⁷, то я был бы Сократом.

Армесс. Разве ты не знаешь, что всем людям подобает быть великодушными и терпеливыми, благодаря чему они

⁷ *Ксантиппа* — жена Сократа, прославившаяся своим сварливым нравом.

уподобляются богам и героям, которые, по мнению одних, мстят поздно, а по мнению других, вовсе не мстят и не гnevаются.

Филотей. Ты заблуждаешься, думая, что я прибегаю к мести.

Армесс. А как же?

Филотей. Я прибегаю к исправлению, благодаря которому мы также становимся подобными богам. Ты знаешь, что бедному Вулкану Юпитером было поручено работать также и в праздничные дни; и его несчастная наковальня беспрестанно получала столь многочисленные и столь яростные удары молотков, что не успевал еще один из них подняться, как другой уже опускался, для того чтобы достаточно было справедливых молний, которыми наказываются преступники.

Армесс. Есть разница между вами и кузнецом Юпитера – супругом Кипрской богини.

Филотей. Достаточно и того, что я, быть может, похож на него тем терпением и великодушием, которые я проявил в этом деле, не отпуская всей узды негодования, не возбуждая гнева самыми сильными ударами шпор.

Армесс. Не всякому подходит быть исправителем нравов, особенно же множества людей.

Филотей. Добавьте к этому: особенно когда множество его не трогает.

Армесс. Говорят, что не следует вмешиваться в дела чужой страны.

Филотей. А я скажу две вещи: во-первых, что не следует убивать иностранного врача за то, что он пытается прибегнуть к таким способам лечения, каких местные не применяют, а во-вторых, что для истинного философа всякая страна есть родина.

Армесс. Но если они тебя не признают ни за философа, ни за врача, ни за соотечественника?

Филотей. Это еще не значит, что я не являюсь ими.

Армесс. Кто вам в этом поверит?

Филотей. Божества, пославшие меня сюда, я, находящийся здесь, и те, у кого есть глаза, чтобы меня здесь видеть.

Армесс. У тебя весьма немногочисленные и малоизвестные свидетели.

Филотей. Весьма немногочисленны и малоизвестны истинные врачи, но почти все действительно больны. Я хочу сказать, что они не имеют права прибегать к подобным средствам по отношению к тем, кто доставляет им похвальные благодеяния, независимо от того, иностранцы они или нет.

Армесс. Мало кто признает эти благодеяния.

Филотей. Разве от этого жемчужины становятся менее драгоценными и мы не должны всеми силами охранять их и заставлять охранять, освобождать их и ограждать и защищать от того, чтобы свиньи не топтали их ногами? И столь благосклонны ко мне вышние, мой Армесс, что я никогда не обращаюсь к подобной мести из грязного самолюбия или из низменной заботы частного человека, но лишь из люб-

ви к столь возлюбленной моей матери-философии и из усердия, возбужденного оскорблением ее величия. Она изолгавшимися родственниками и сыновьями (ибо нет низкого педанта, фразистого лентяя, глупого фавна, невежественного обманщика, который бы не пожелал причислиться к ее семье, выставляя напоказ свои книги, или же отпуская длинную бороду, или же каким-либо другим способом придавая себе важность) доведена до того, что для народа слово *философ* значит обманщик, бездельник, педант, жулик, шут, шарлатан, годный для того, чтобы служить для веселого времяпрепровождения в доме и для пугания птиц в поле.

Элитроний. По правде говоря, большинство людей уважает философов еще меньше, чем священников, потому что последние, будучи самого низкого происхождения, все же не довели духовенство до такой степени презрения, до какой довели философию люди, достойные называться зверями всякого рода.

Филотей. Восхвалим же по достоинству древность, когда философы были таковы, что выдвигались в законодатели, советники и цари, когда советники и цари возвышались в священники. В наше время большинство священников таково, что их презирают, а вместе с ними презирают и божественные законы. Почти все философы, каких мы видим, таковы, что к ним относятся с презрением, а благодаря им – и к науке. Кроме того, среди них толпа негодяев, подобно тому как сорная трава заглушает рожь, своим диким бредом подавля-

ют редкую добродетель и истину, которые доступны немногим.

Армесс. Я не нахожу философа, который бы так гневался за пренебрежение философией, и не вижу, о Элитропий, никого, кто бы так волновался за свою науку, как Теофил; что было бы, если бы все другие философы были так же настроены, то есть столь же вспыльчивы?

Элитропий. Другие философы не открыли столько, не должны столько охранять и столько защищать. И они легко могут пренебрегать такой философией, которая ничего не стоит, или другой, которая стоит мало, или той, которой они не знают; но тот, кто нашел скрытое сокровище Истины, пораженный красотой этого божественного лика, не менее ревниво заботится, чтобы она не подвергалась искажению, пренебрежению и осквернению, чем кто-нибудь другой, испытывающий грязное влечение к золоту, карбункулу и бриллианту или плененный женской красотой.

Армесс. Но поразмыслим и вернемся снова к вопросу. О вас говорят, Теофил, что в своем «Пире» вы осуждаете и оскорбляете целый город, целую область, целое государство⁸.

Филотей. Этого я никогда не предполагал, никогда не замышлял и никогда не делал; и если бы я это предполагал,

⁸ В «Пире на пепле» Бруно высмеивает пренебрежительное и грубое отношение лондонцев к иностранцам и всему иностранному, с которым ему пришлось столкнуться.

замышлял или делал, я сам осудил бы себя как наихудшего и готов был бы к тысяче пересмотров, к тысяче отказов, к тысяче отступлений, не только если бы я оскорбил благородное и древнее государство, подобное этому, но любое другое, сколь бы ни считали его варварским; не только, говорю я, любой город, сколь бы его ни порицали как нецивилизованный, но и любой род, сколь бы его ни считали диким, и любую семью, сколь бы ее ни называли негостеприимной; ибо не может быть государства, города, поколения или целого дома, обитатели которого имели бы одни и те же нравы и где не встречались бы противоположные и противоречащие друг другу характеры, вследствие чего то, что нравится одному, не нравится другому.

Армесс. Верно, я все прочел, перечитал и хорошо обдумал, и хотя относительно частных я нахожу вас, не знаю почему, немного несдержанным, но в общем я считаю ваше поведение безупречным, разумным и скромным. Все же слухи, распространившиеся о вас, носят неблагоприятный характер, как я вам сейчас говорил.

Элитроний. Подобные слухи распространяются из-за низости кое-кого из тех, кто чувствует себя затронутым: они-то из мести, видя, что им недостает собственного разума, учености, одаренности и силы, насколько умеют, измышляют обманы, которым могут доверять лишь им подобные, и ищут соучастников, чтобы упреки, направленные против частных лиц, выдать за оскорбление обществу.

Армесс. Напротив, я думаю, что имеются люди не без разума и понимания, которые считают оскорбление общим, потому что вы приписываете подобные обычаи целому поколению.

Филотей. Таковы ли эти упомянутые обычаи, чтобы подобные им, а также худшие и гораздо более странные в роде, виде и числе не встречались в известнейших странах и областях мира? Разве вы назвали бы меня оскорбляющим родину и неблагодарным ей, если бы я сказал, что подобные и еще более преступные обычаи встречаются в Италии, в Неаполе, в Ноле? Разве этим унижена будет страна, благословленная небом, которая одновременно и в одинаковой степени может называться головой и правой рукой земного шара, правительницей и владычицей других поколений и всегда нами и другими считалась учительницей, кормилицей и матерью всех добродетелей, учений, культур, учтивостей и приличий? Преувеличена ли похвала, воспеваемая ей теми же нашими поэтами, которые не в меньшей степени называют ее учительницей всех пороков, обманов, скупостей и жестокостей?

Элитроний. Это верно согласно принципам вашей философии; вы утверждаете в них, что противоположности совпадают в принципах и в ближайших объектах, так что те же самые таланты, которые являются способнейшими для высоких, доблестных и благородных поступков, если они развращены, обращаются к крайним порокам. Кроме того, наи-

более редкие и избранные таланты обычно встречаются там, где, как общее правило, люди наиболее невежественны и глупы; там же, где люди в большинстве случаев наименее культурны и воспитанны, в частных случаях встречаются наиболее воспитанные и культурные люди; поэтому кажется, что различным способом различным поколениям уделяется одна и та же мера совершенств и недостатков.

Филотей. Вы говорите истину.

Армесс. Со всем тем, Теофил, мне, как и многим другим вместе со мною, жаль, что вы встречались с такими лицами на нашей любимой родине, которые дали вам повод жаловаться при помощи «Пира», а не с многочисленными другими, которые показали бы вам ясно, насколько наша страна, хоть и названная вашим поэтом «совершенно отрезанной от всего мира»⁹, склонна к всевозможным занятиям изящной литературой, военным делом, рыцарством, культурой и образованием. Во всем этом, насколько это зависит от напряжения наших сил, мы стараемся не быть ниже наших предков и не быть побежденными другими народами, особенно же теми, которые считают, что благородство, науки, военное дело и культура даны им как бы от природы.

Филотей. Уверяю вас, Армесс, что относительно сказанного вами я не должен и не мог бы противоречить вам ни словами, ни разумом, ни сознанием, ибо вы защищаете свое дело безупречно, скромно и доказательно. Поэтому благода-

⁹ Вергилий. Эклога 1, 67.

ря вам как человеку, лишенному варварской гордости, я начинаю раскаиваться и сожалеть, что коснулся вышеупомянутых личностей, что опечалил вас и других людей честнейшего и гуманного образа мыслей; поэтому я страстно желал бы, чтобы те мои диалоги не были изданы, и, если это вам угодно, я приложу усилия, чтобы они больше не распространялись.

Армесс. Ни я, ни другие благороднейшие люди нисколько не опечалены опубликованием этих диалогов; наоборот, я скорее содействовал бы их переводу на наш язык, для того чтобы они были прочитаны теми среди нас, кто мало воспитан и придерживается плохих обычаев. Быть может, если они увидят, с каким отвращением восприняты и какими чертами описаны их грубые манеры и насколько они противны, то может случиться, что если они и не захотят отступить от этого пути, несмотря на хорошие поучения и хорошие примеры, увиденные ими у лучших и высших, то во всяком случае они постараются изменить свои обычаи и приспособиться к лучшим, хотя бы из-за стыда быть причисленными к худшим; тогда они убедятся, что честь и гордость личности состоит не в том, чтобы знать все способы, какими можно причинять неприятности, но, наоборот, в противоположном этому поведении.

Элитроний. Вы показываете, что вы приличный человек и заинтересованы в процветании своей родины, что вы не являетесь по отношению к заслугам других неблагодарным и

непризнательным, каковыми могут быть многие люди, бедные доказательствами и разумением. Но Филотей, кажется, не столь уж озабочен сохранением своей репутации и защитой своей личности; ибо в какой степени благородство противоречит грубости, в такой же степени противоположны и их следствия. Если бы, например, дикий скиф, оказавшийся мудрым и прославленным за удачи и успех у себя на родине, покинув берега Дуная, обратился со смелым упреком и справедливой жалобой к римскому сенату, посягнув таким образом на авторитет и величие его, то последнему эти упреки и жалобы дали бы лишь повод проявить свое благоразумие и великодушие, почтив своего строгого порицателя колоссальной статуей. Между тем, наоборот, аристократ и римский сенатор потерпит неудачу и окажется неразумным, если, оставив веселые берега своего Тибра, он отправится к диким скифам и обратится к ним со справедливой жалобой и самыми разумными укорами. Они благодаря этому получают предлог обнаружить колоссальную бездну своей низости, бесчестия и грубости: подвергнут его избиению камнями, разнуздают неистовство черни и тем самым покажут другим народам, какая глубокая разница между настоящими людьми и теми, кто лишь создан по образу и подобию людей.

Армесс. Воистину, Теофил, я не считаю нужным, чтобы я или кто-либо другой, более умный, чем я, взялся защищать и поддерживать дело тех, кто является предметом вашей сатиры, как будто бы дело шло о населении этой стра-

ны, к защите которой нас склоняют законы нашей природы. Ибо я никогда не признаю своими единомышленниками и всегда буду считать своими врагами тех, кто утверждает, что они являются частью и членами нашей родины, которая имеет столь же благородных, образованных, приличных, дисциплинированных, скромных, культурных и разумных людей, как и любая другая. Поэтому, хотя в ней живут эти люди, они в ней содержатся лишь как грязь, подонки, навоз и падаль; они могут быть названы частями государства и города лишь в том смысле, в каком сточная яма называется частью корабля. И поэтому из-за них нам не следует быть недовольными собою, и если бы мы все же были недовольны собою, то были бы достойны порицания. Из числа их я не исключаю значительной части ученых и священников, из коих некоторые при помощи докторской степени сделали вельможами. Их целью было приобретение той жалкой авторитетности, которую сначала они не осмеливались показывать, но затем стали дерзко и открыто проявлять вследствие своей наглости, рассчитывая, что таким образом они увеличат свою репутацию ученого и священника. Неудивительно поэтому, что вы видите многих и многих обладающих докторской степенью и священническим саном, кто более близок к стаду, скотному двору и конюшне, чем действительные конюхи, козопасы и земледельцы. Поэтому я не хотел бы, чтобы вы столь резко отнеслись к нашему университету, не обратив внимания на то, чем он был, будет или может стать в будущем, а отчасти

уже является и в настоящее время.

Филотей. Не беспокойтесь, ибо хотя он был в данном случае обрисован вполне правильно, тем не менее он не совершил более крупных ошибок, чем все остальные университеты, считающие себя более достойными и при помощи своих глупейших докторских дипломов украшающие лошадей кольцами и ослов диадемами. Равным образом я не отрицаю, что он с самого начала был хорошо организован и отличался хорошим порядком занятий, торжественностью церемоний, распорядком упражнений, украшениями одежд и многим другим, что необходимо связано с академией и ее украшает. Поэтому, без всякого сомнения, нет человека, который не признал бы его первым в Европе, а следовательно, и во всем мире. И я не отрицаю, что в отношении тонкости дарований и остроты умов, естественно порождаемых обеими частями Британии, он не уступает самым лучшим университетам¹⁰. Равным образом не изгладилось из памяти, что, прежде чем спекулятивные науки распространились в других частях Европы, они процветали в этом месте и что его мастера метафизики, хотя и были варварами по языку и монахами по профессии, тем не менее распространили по всем другим академиям культурных стран блеск метафизики, этой благороднейшей и редкой отрасли философии, ко-

¹⁰ Бруно имеет в виду Оксфордский университет, бывший в Средние века одним из крупнейших центров схоластики. Во времена Бруно университет пришел в упадок.

торая в наше время почти угасла. Но что меня удручает и одновременно возбуждает у меня отвращение и смех, — это то, что в то время, как я не нахожу людей, более близких римскому и аттическому языку, чем в этом месте, в остальном они (я говорю о громадном большинстве) с гордостью считают себя во всем отличными от древних и противоположными им. Последние же, мало заботясь о красноречии и грамматической строгости, все занимались умозрениями, которые этими людьми названы софизмами. Но я более ценю их метафизику, в которой среди них выдвинулся их мастер Аристотель, сколь ни загрязнена она и ни испачкана известными ложными умозаключениями и теоремами, не имеющими отношения ни к философии, ни к богословию, но происшедшими вследствие бездействия и плохого употребления умов; этой мудрости недостает людям нынешней эпохи со всем их цicerоновским красноречием и декламаторским искусством.

Армесс. Но и этими вещами нельзя пренебрегать.

Филотей. Верно, но если нужно выбрать одно из двух, то я предпочитаю культуру ума, какой бы невзрачный вид она ни имела, культуре самых отборных слов и выражений.

Элитроний. Это утверждение напоминает мне брата Вентуру. Разбирая одно место из святого Евангелия, где говорится «воздайте кесарево кесарю», он упоминал по этому случаю названия всех монет, имевшихся во времена римлян, с их знаком и весом (не знаю, из какой дьявольской летописи

или книги для записей собрал он их, а было их более 120), чтобы дать понять, сколь велики его прилежание и память. По окончании проповеди к нему приблизился один честный человек и сказал: «Почтенный отец мой, дайте мне, пожалуйста, один карлин», – на что он ответил, что принадлежит к ордену нищенствующих.

Армесс. С какой целью вы рассказываете это?

Элитроний. Я хочу сказать, что те, кто слишком занимается именами и выражениями и не обращает внимания на вещи, гарцуют на одном муле вместе с этим почтенным отцом мулов.

Армесс. Я думаю, что кроме занятия красноречием, в котором они обогнали всех своих предшественников и не стоят ниже современников, они не нищие также в философии и в других спекулятивных профессиях, без опытности в которых они ни в какой степени не продвинулись бы вперед. Поэтому статуты университета, к которым они принуждаются клятвою, требуют, чтобы никто не допускался к магистерской и докторской степени по философии и теологии, если он не черпал из источника Аристотеля.

Элитроний. О, я вам расскажу, что они сделали, чтобы не быть клятвопреступниками. Одному из трех фонтанов, которые имеются в университете¹¹, они дали название «ис-

¹¹ Бруно имеет в виду Оксфордский университет, бывший в Средние века одним из крупнейших центров схоластики. Во времена Бруно университет пришел в упадок.

точник Аристотеля», другой называют «источником Пифагора», третий зовут «источником Платона». Так как из этих трех источников ими берется вода для приготовления пива и меда (правда, эту же воду пьют быки и лошади), то, следовательно, всякий, кто пробыл в комнате для занятий и в колледжах хотя бы три или четыре дня или даже менее, тем самым испил не только из источника Аристотеля, но кроме того и Пифагора и Платона.

Армесс. Увы, все, что вы говорите, слишком истинно. Отсюда происходит, о Теофил, что доктора ценятся по такой же дешевой цене, как сардинки. Ибо подобно тому, как с малым трудом они создаются, находятся и ловятся, так по малой цене они и покупаются. Вследствие этого толпа докторов в наш век столь велика у нас (я не затрагиваю, конечно, репутации некоторых известных своим красноречием, ученостью и вежливыми манерами, каковы, например, Тобий Меттью, Кельепер¹² и другие, не знаю кого назвать), что благодаря этому, если кто-нибудь называется доктором, то его не столько считают получившим новую степень благородства, сколько подозревают в противоположных качествах, если он частным образом не известен. Отсюда происходит то, что тот, кто знатен по происхождению или по другому случаю, а сверх того присоединяет к этому благородство, приобретаемое ученостью, избегает, как позора, ученой степени и титула док-

¹² Тобий Меттью и Кельепер — оксфордские профессора, современники Бруно.

тора, но довольствуется тем, что является на самом деле ученым. И подобных людей при дворах попадаетея больше, чем можно найти педантов в университете.

Филотей. Не жалуйтесь, Армесс, ибо во всех местах, где имеются доктора и священники, встречается и тот и другой посев этих людей. Поэтому те, которые являются действительно учеными и действительно священнослужителями, хотя бы они и выдвинулись из низкого состояния, не могут быть некультурными и неблагородными, ибо наука есть наилучший путь для того, чтобы сделать человеческий дух героическим. Но те другие тем более выразительно проявляют свою грубость, чем более они стремятся греметь вместе с отцом богов Юпитером или с гигантом Салмонеем¹³ и подобно украшенному пурпуром сатиру или фавну выступают с ужасной и горделивой спесью, после того как определили на королевской кафедре, к какому склонению принадлежит «этот», «эта» и «это ничто».

Армесс. Итак, оставим эти соображения. Что это за книга у вас в руке?

Филотей. Это диалоги.

Армесс. «Пир»?

Филотей. Нет.

Армесс. Что же это такое?

¹³ *Салмонея* — царь Элиды, осужденный Юпитером на адские мучения за то, что пытался соперничать с богом, подражая грому и молнии. О нем говорит Вергилий в шестой песне «Энеиды».

Филотей. Это другие диалоги, в которых трактуется сообразно с нашим методом «О Причине, Начале и Едином».

Армесс. Каковы же здесь собеседники? Быть может, мы снова будем иметь дело с каким-нибудь дьяволом вроде Фруллы и Пруденция, которые снова причинят нам какое-нибудь беспокойство?

Филотей. Не сомневайтесь в том, что за исключением одного все остальные – люди спокойные и честнейшие.

Армесс. Так что, согласно вашим собственным словам, в этих диалогах нам снова придется кое-что очищать?

Филотей. Не сомневайтесь в этом, ибо скорее вы будете почесывать там, где у вас зудит, чем ковырять там, где у вас больно.

Армесс. Однако?

Филотей. Здесь вы встретите в качестве одного из собеседников ученого, честного, любящего, доброго и столь верного друга Александра Диксона¹⁴, которого Ноланец любит, как свои глаза; он-то и является причиной того, что этот предмет подвергается здесь рассмотрению. Он введен в качестве человека, доставляющего Теофилу материал для размышления. Вторым будет Теофил, то есть я; сообразно представляющимся случаям я буду различать, определять и доказывать все относящееся к рассматриваемому предмету. Тре-

¹⁴ *Александр Диксон* — один из друзей и учеников Бруно. В 1583 г. он написал мнемоническое сочинение, в котором опирался на произведение Бруно «О тенях идей» (1582).

тым будет Гервазий, человек, не принадлежащий к нашей профессии, но для времяпрепровождения желающий присутствовать на нашем собеседовании. Это человек, который не пахнет ни хорошо, ни плохо, потешается над Полиинни-ем и шаг за шагом предоставляет ему возможность проявить свою глупость. Этот святотатственный педант будет четвертым; это один из строгих цензоров философии, почему он называет себя Момом¹⁵; питающий пылкие чувства к своему стаду схоластов, почему он претендует на сократическую любовь; постоянный враг женского пола, почему он считает себя Орфеем, Музеем, Титиром и Амфионом, чтобы не быть физиком¹⁶. Это один из тех людей, которые, построив красивую фразу, написав изящное послание, выкроив красивый оборот в Цицероновском духе, воображают, что здесь воскресает Демосфен, здесь вырастает Туллий, здесь обитает Саллюстий, здесь Аргус, рассматривающий каждую букву, каждый слог, каждое выражение; здесь Радамант вызывает тени молчащих; здесь Минос¹⁷, царь Крита, движет урну.

¹⁵ *Мом* — греческий бог злословия.

¹⁶ *Орфей* — легендарный греческий поэт и музыкант, наделенный магической силой искусства, которому покорялись люди, природа и сами боги. По легенде, он погиб от рук неистовых вакханок. *Музей* и *Амфион* — также легендарные древнегреческие музыканты. Амфион вместе со своим братом Зетом пострадал от коварства своей мачехи, Дирки.

¹⁷ *Туллий* — намек на римского оратора *Цицерона*. *Саллюстий* — один из самых знаменитых римских историков. *Радамант* и *Минос* — в древнегреческой мифологии судьи в царстве Аида. Здесь Бруно намекает на стих из «Энеиды» Вергилия: Урну Минос-судья сотрясает; и он же безмолвно Сонмы сзывает и их

Они подвергают испытанию речи, они обсуждают фразы, говоря: эти принадлежат поэту, эти – комическому писателю, эти – оратору; это серьезно, это легко, это возвышенно, это – низкий род речи; эта речь темна, она могла бы быть легкой, если бы была построена таким-то образом; это начинающий писатель, мало заботящийся о древности, он и не пахнет Цицероном и плохо пишет по-латыни; этот оборот не тосканский, он не заимствован у Боккаччо, Петрарки и других испытанных авторов. В этом его триумф, он доволен собою, его поступки нравятся ему больше, чем все остальное; это Юпитер, который с высокой башни созерцает и наблюдает жизнь других людей, подверженную стольким ошибкам, бедствиям, несчастьям и бесполезным трудам. Один лишь он счастлив, один лишь он живет небесной жизнью, созерцая свою божественность в зеркале какого-нибудь «Сборника», «Словаря», «Калепина», «Лексикона», «Рога изобилия», «Ницоллия»¹⁸. Между тем как всякий человек – единица, один только он, обладающий всем этим изобилием, является всем. Если он смеется, он называет себя Демокритом; если печалится – Гераклитом; если спорит – Хрисиппом; если размышляет

преступленья и жизнь испытует.(6.432–433)

¹⁸ «Сборник» — сборник изречений «Вертоград» неаполитанского филолога Скоппа, распространенный в школах в XVI в. *Калепино* — автор первого латинского словаря для школ, напечатанного в 1502 г., его имя стало нарицательным. «Рог изобилия» («Корнукопий») – пользовавшееся большой популярностью латинское комментаторское сочинение Перотти, напечатанное в 1489 г. *Ницоллий* — автор широко распространенного в XVI в. сочинения «Цицероновское сокровище».

– Аристотелем; если фантазирует – Платоном; если мычит какую-нибудь проповедь, он титулует себя Демосфеном; если разбирает Вергилия, то он – Марон. Здесь он исправляет Ахилла, там одобряет Энея, упрекает Гектора, декламирует против Пирра, сожалеет о Приаме, обвиняет Турна, извиняет Дидону, рекомендует Ахата и, в конце концов, между тем как прибавляет слово к слову и нанизывает грубые синонимы, ничто божественное не считает себе чуждым. И когда он столь спесиво сходит со своей кафедры как человек, распоряжавшийся небесами, управлявший сенатами, командовавший войсками, переделывавший миры, то становится ясно, что если бы только не несправедливость времени, то он так же орудовал бы делами, как орудует мнениями. О времена, о нравы! Сколь редки те, кто понимает природу причастий, наречий, спряжений! Сколько времени прошло, пока нашли основание и истинную причину, почему прилагательное должно согласоваться с существительным, почему слова, выражающие отношение, должны согласовываться с тем словом, к которому они относятся, и по какому правилу они должны следовать или раньше или позже этого слова, и в какой мере и в каком порядке примешиваются здесь такие междометия, выражающие горе и радость, как «увы», «ах», «о горе», и другие приправы, без которых всякая речь была бы лишена какого бы то ни было вкуса.

Элитроний. Говорите что хотите, понимайте это как вам нравится; я же говорю, что для счастья в жизни лучше счи-

тать себя крезом и быть бедняком, чем считать себя бедняком, будучи крезом. Разве не больше блаженства доставляет обладание глупышкой, которая тебе кажется красавицей и тебя удовлетворяет, чем Ледой или Еленой, которая тебе доставляет скуку и отвращение? Какое значение имеет для невежественных и неблагородных людей это обстоятельство, если они тем более счастливы, чем больше они нравятся самим себе? Свежая трава так же хороша для осла, как овес для лошади, как для тебя самый лучший хлеб и куропатка; свинья так же удовлетворяется желудями и грязью, как Юпитер – амброзией и нектаром. Захотите ли вы вывести их из этого состояния приятной глупости, если за эту заботу они постараются впоследствии разбить вам голову? Хотя, кто знает, это или то – глупость? Один пирронист говорил: «Кто знает, не является ли наше состояние смертью, а состояние тех, кого мы зовем мертвыми, не является ли жизнью?» Точно так же кто знает, не состоит ли все счастье и истинное блаженство в правильном соединении и сочетании частей речи.

Армесс. Так построен мир: мы смеемся над педантами и грамматиками, ловкие придворные смеются над нами, мало размышляющие монахи и священники смеются над всеми; и, в свою очередь, педанты издеваются над нами, мы над придворными и все над монахами; и, наконец, между тем как один является дураком для другого, мы видим, что все друг от друга отличаются лишь по видовому отличию, в то время

как они согласуются друг с другом в роде, числе и падеже.

Филотей. Различны поэтому виды и способы осуждения, разнообразны их степени, но особенно они мрачны, жестоки, ужасны и страшны у наших архиученых. Поэтому перед ними должны мы преклонить колени, понурить голову, отвести глаза, поднять руки, вздохнуть, плакать, восклицать и просить награды. Итак, к вам я обращаюсь, о вы, держащие в руке жезл Меркурия, разрешающие споры и вопросы, возникающие между людьми и между богами; к вам, Мениппы, которые, сидя на лунном шаре, с глазами отверженными и опущенными, смотрят с отвращением и с презрением на наши поступки; к вам, щитоносцы Паллады, гонцы Минервы, управители Меркурия, магнаты Зевса, молочные братья Аполлона, сподручники Эпиметея, собутыльники Вакха, ослицы Эванта, флагеллянты Эдонид, возбудители Тиад, субагитаторы Менад, субдекораторы Бассарид, всадники Мималлонид, сожители нимфы Эгерии, блюстители энтузиазма, предводители кочующего народа, распутники Демогоргоны, Диоскуры текучих учений, казначеи Пантаморфа, козлы отпущения первосвященника Аарона, – вам мы поручаем нашу прозу, вам мы подчиняем свои стихи, предположки, предположения, расхождения, скобки, приложения, клаузулы, периоды, построения, предложения и эпитеты. О вы, приятнейшие водолеи, при помощи красивых элэгантий изгоняющие из нас дух, связывающие наше сердце, возбуждающие наши чувства и заключающие в публичный

дом непотребные души наши, приведите в хорошее состояние наши варваризмы, пунктируйте наши солецизмы, поверните к лучшему неудачные выражения, кастрируйте наших силенов, обуздайте наших ноев, превратите в евнухов наши длинноты, заштопайте наши ошибки, ограничьте наши тавтологии, умерьте наши акрибологии, снизойдите к нашим эскрилогиям, извините наши периссологии¹⁹, простите наши непристойности. Я обращаюсь с мольбою ко всем вам вообще и в частности к тебе, о строгий, надменный и суровейший маэстро Полиинний, чтобы вы отбросили слепое бешенство и столь преступную ненависть к благороднейшему женскому полу; не гоните того, что в мире является прекрасным и чем небо любит своими бесчисленнейшими очами. Придите, придите в себя и призовите к себе ум, при помощи которого вы увидите, что эта ваша злость есть не что иное, как явная мания и неистовое бешенство. Кто более бесчувственен и туп, чем человек, не видящий света? Какая глупость может быть презреннее, чем вражда с самой природой из ненависти к полу, как это делает варварский король из Сарца²⁰, который, обученный вами, говорит:

Ведь совершенною не может быть природа,
Затем что женского название это рода.

¹⁹ *Акрибология* — точность в выборе слов. *Эскрилогия* — сквернословие. *Периссология* — избыток слов.

²⁰ *Варварский король из Сарца* — один из персонажей «Неистового Роланда» Ариосто (откуда взят стих).

Всмотритесь хоть немного в истину, поднимите взор на древо познания добра и зла, и вы увидите различие и противоположности между одним и другим. Присмотритесь, каковы мужчины, каковы женщины. Здесь вы замечаете телесный корпус, который является вашим другом – мужчиной, там – душу, которая является вашим врагом – женщиной. Здесь мужчина – хаос, там женщина – упорядоченность; здесь – сон, там – бодрость; здесь – напор, там – уступчивость; здесь – порок, там – добродетель; здесь – страх, там – безопасность; здесь – упрек, там – учтивость; здесь – скандал, там – гармония; здесь – ужас, там – тишина; здесь – обман, там – истина; здесь – недостаток, там – полнота; здесь – ад, там – безмятежность; здесь – педант Полиинний, там – Полиинния-муза. И, наконец, все пороки, недостатки и преступления – мужского рода. Все добродетели, превосходства и милости – женского рода. Поэтому осторожность, справедливость, храбрость, умеренность, красота, величественность, достоинство, божественность так называются, так их воображают, описывают и рисуют, таковы они суть. Теперь перейдем от этих теоретических, логических и грамматических оснований, подходящих к вашей аргументации, к основаниям натуральным, реальным и практическим. Не достаточно ли одного этого примера, чтобы связать тебе язык, заткнуть рот и привести тебя в смущение со всеми, сколько их есть, твоими компаньонами. Найдешь ли ты мужчину, лучшего

или хотя бы только подобного божественной Елизавете, царствующей в Англии? Так как она столь одарена, возвышенна, находится под покровительством и охраною небес, пользуется их поддержкою, то напрасна была бы попытка принизить ее значение иными словами или силами. Разве есть среди знати кто-нибудь более героический, среди носящих тогу – более ученый, среди советников – более мудрый, чем эта дама, самая достойная из всех людей во всем государстве? Софонизба, Фаустина, Семирамида, Дидона, Клеопатра и все другие, которые в прежнее время могли быть славою Италии, Греции, Египта и других стран Европы и Азии, разве не кажутся самыми жалкими по сравнению с нею как по физической красоте, так и по владению народными и научными языками, по знанию наук и искусств, по мудрости управления, по благополучию великого и продолжительного властвования, по всем другим общественным и природным доблестям? Свидетелями моими являются ее деяния и счастливый успех, которым с благородным восхищением любуются наш век. В то время как Тибр бежит оскорбленный, По угрожающий, Рона неистовствующая, Сена окровавленная, Гаронна смятенная, Эбро бешеный, Тахо безумствующий, Маас озабоченный, Дунай беспокойный, Елизавета в тылу Европы блеском очей своих уже более 25 лет успокаивает великий океан, который, непрерывно сменяя прилив на отлив, радостно и тихо принимает в свое обширное лоно свою возлюбленную Темзу; она же, далекая от всякого бес-

покойства и неприятности, безопасно и весело движется, извиваясь среди зеленых берегов. Итак, чтобы начать с главного, каковы...

Армесс. Замолчи, замолчи, Филотей. Не старайся прибавить воды к нашему океану и света к нашему солнцу. Перестань казаться отвлеченным, чтобы не выразиться хуже, диспутируя с отсутствующими Полиинниями. Дай нам на краткий срок рукопись этих диалогов, чтобы не оставаться без дела на этот день и час.

Филотей. Возьмите и прочтите.

Конец первого диалога

ДИАЛОГ ВТОРОЙ²¹

Собеседники:

Аврелий Диксон, Теофил, Гервазий, Полиинний

Диксон. Пожалуйста, маэстро Полиинний, и ты, Гервазий, не прерывайте в дальнейшем наших разговоров.

Полиинний. Да будет так.

Гервазий. Если тот, кто является магистром, говорит, то, без сомнения, я не могу молчать.

Диксон. Так что вы утверждаете, Теофил, что всякая вещь, которая не является Первоначалом и Первопричиной, имеет начало и имеет причину.

Теофил. Без сомнения и без какого-либо возражения.

Диксон. Вы думаете, тем самым, что тот, кто познает вещи, причиненные и зависящие от начала, познает причину и начало?

Теофил. Не легко ближайшую причину и ближайшее начало; но с величайшим трудом он познает хотя бы лишь следы Высшей Причины и Первоначала.

Диксон. Как же вы полагаете, что вещи, имеющие первую и ближайшую причину и первое и ближайшее начало, истинно познаются, если сообразно действующей причине (каковая относится к числу того, что способствует реальному по-

²¹ Все латинские изречения и цитаты приводятся в русском переводе.

знанию вещей) они скрыты?

Теофил. Я утверждаю, что легкая вещь – предписывать учение о доказательствах, но трудно доказывать; легчайшая вещь – предписывать причины, обстоятельства и методы учения, но наши методологи и аналитики плохо приводят в действие свои орудия, методические принципы и искусства искусств.

Гервазий. Подобно тем, кто умеет делать столь прекрасные шпаги, но не умеет ими действовать.

Полинний. Почти.

Гервазий. Да закроются твои глаза, чтобы ты никогда не мог их раскрыть.

Теофил. Поэтому я говорю, что не следует просить натур-философа, чтобы он привел все причины и начала, но одни лишь физические и из них – главные и специальные. Ведь, хотя они зависят от Первого Начала и от Первой Причины и о них поэтому говорят, что они имеют эту причину и это начало, все же нет такого необходимого отношения, которое бы от познания одного приводило к познанию другого, и поэтому нельзя требовать, чтобы они были установлены в одной и той же дисциплине.

Диксон. Как так?

Теофил. Ибо познание всех зависимых вещей не дает нам знания Первого Начала и Первой Причины, а лишь следы, так как все происходит от его воли или благости; последняя является принципом его действия, от которого происходят

все следствия. Это же самое может быть усмотрено в искусственных вещах, поскольку тот, кто видит статую, не видит скульптора, кто видит изображение Елены, не видит Апеллеса, но видит следствие действия, которое происходит от блага апеллесовой одаренности; все же это является следствием акциденций²² и свойств субстанции этого человека, каковой, что касается его абсолютного бытия, нисколько не познан.

Диксон. Так что познать вселенную – это не значит познать какую-нибудь из сущностей или субстанций Первого Начала, ибо это значит лишь познать акциденции акциденций.

Теофил. Верно, но я не хотел бы, чтобы вы воображали, будто я понимаю это так, что в Боге имеются акциденции или же что он может быть познан как бы посредством своих акциденций.

Диксон. Я не приписываю вам столь грубого намерения; одно дело, как мне известно, сказать относительно любой вещи, чуждой божественной природе, что это – акциденции, другое дело, что это – *Его* акциденции, и опять-таки другое дело, что это – *как бы* Его акциденции. Последним способом выражения, мне кажется, вы хотите сказать, что вещи суть следствия божественного действия, каковые, хотя они и суть субстанция вещей, а также и сами природные субстанции, тем не менее суть как бы отдаленнейшие акциденции,

²² Акциденция – нечто несущественное, изменчивое, случайное, несущественное свойство вещи.

поскольку дело идет о том, чтобы мы благодаря им получили адекватное познание божественной сверхприродной Сущности.

Теофил. Вы хорошо говорите.

Диксон. Так что об этой Божественной Сущности мы ничего не можем узнать как потому, что она бесконечна, так и потому, что она весьма далеко отстоит от этих следствий, являющихся крайним пределом достижений нашей дискурсивной способности; мы можем узнать лишь следы ее, как говорят платоники, отдаленные следствия, как говорят перипатетики, оболочку, как говорят каббалисты; мы можем созерцать ее как бы сзади, как говорят талмудисты, в зеркале, в тени и посредством загадок, как говорят апокалиптики.

Теофил. Еще более. Так как мы не обзираем сразу в совершенстве этой вселенной, чью субстанцию и начало столь трудно понять, то отсюда вытекает, что мы познаем Первое Начало и Причину по их следствиям в гораздо меньшей степени, чем может быть познан Апеллес по сделанным им статуям; ибо эти последние мы можем видеть целиком и исследовать по частям, но это невозможно по отношению к великому и бесконечному созданию божественного могущества. Итак, это уподобление должно быть понято не без соответственного ограничения.

Диксон. Это так, и так я это понимаю.

Теофил. Будет поэтому правильным воздержаться от разговоров о столь возвышенном предмете.

Диксон. Я с этим согласен, ибо для морали и богословия достаточно знать Первое Начало в тех пределах, в каких нам открыли его высшие божества и разъяснили божественные люди. Кроме того, не только любой закон и богословие, но также и все реформированные философии приходят к выводу, что лишь непосвященному беспокойному уму свойственно стремление искать смысла и желание найти определения тех вещей, которые находятся выше сферы нашего понимания.

Теофил. Хорошо. Но они не столь достойны порицания, сколь величайших похвал заслуживают те, кто стремится к познанию этого Начала и Причины для того, чтобы познать по мере возможности его величие, созерцая очами размеренных чувств эти великолепные звезды и сияющие тела; и столько имеется обитаемых миров и великих живых тел и превосходнейших божеств, сколь бесчисленными кажутся и являются миры, не многим отличные от того, к которому мы принадлежим; так как невозможно, чтобы они имели бытие сами по себе, принимая во внимание, что они сложны по составу и разложимы (хоть и не поэтому они заслуживают гибели, как это хорошо сказано в «Тимее»²³), то необходимо следует, что они знают Начало и Причину, а следовательно, и величие его бытия, жизни и действия: они показывают и проповедуют в бесконечном пространстве бесчисленными голосами бесконечное превосходство и величие своего Пер-

²³ См. Платон «Тимей», 41a-b.

вого Начала и Причины. Итак, оставляя в стороне, как вы говорите, это рассмотрение, поскольку оно превышает всякое чувство и рассудок, мы будем рассматривать Начало и Причину, поскольку они, в следе, или являются самой природой или лишь отражаются на ее поверхности и в недрах. Вы же спрашивайте лишь в известном порядке, если хотите, чтобы я в порядке вам отвечал.

Диксон. Так я и поступлю. Но прежде всего, так как вы обычно говорите *причина* и *начало*, то я хотел бы знать, употребляются ли вами эти названия как синонимы.

Теофил. Нет.

Диксон. Какова же разница между тем и другим термином?

Теофил. Я отвечаю, что, называя Бога Первым Началом и Первой Причиной, мы подразумеваем одну и ту же вещь в различных смыслах; когда же мы называем начала и причины в природе, мы подразумеваем различные вещи в их различных смыслах. Мы называем Бога Первым Началом, поскольку все вещи ниже его и следуют согласно известному порядку прежде или позже или же сообразно своей природе, длительности и достоинству. Мы называем Бога Первой Причиной, поскольку все вещи отличны от него как действие от деятеля, произведенная вещь от производящей. И эти два смысла различны, ибо не всякая вещь, которая существует раньше и более достойна, является причиной того, что существует позже и менее достойно, и не всякая вещь, кото-

рая является причиной, существует раньше и более достойна той, которая причинена, как это вполне ясно всякому, кто умеет хорошо рассуждать.

Диксон. Скажите же, какова разница между причиной и началом в предметах природы?

Теофил. Хотя одно выражение иногда употребляется вместо другого, тем не менее, говоря в собственном смысле слова, не всякая вещь, являющаяся началом, есть причина, ибо точка — это начало линии, но не ее причина; мгновение есть начало действия, *terminus a quo*, следовательно, есть начало движения, но не причина движения; предпосылки суть начало доказательства, но не причина его. Поэтому *начало* — более общее выражение, чем *причина*.

Диксон. Следовательно, уточняя оба эти выражения до известных собственных их значений, сообразно привычке тех, кто говорит более реформированным образом, я полагаю, что под *началом* вы понимаете то, что внутренним образом содействует устройению вещи и остается в следствии, как, например, материя и форма, остающиеся в составе, или же элементы, из которых составляется вещь и на которые она разлагается. *Причиною* вы называете то, что содействует произведению вещи внешним образом и имеет бытие вне состава, каковы действующая причина и цель, которая имеется в виду при изготовлении вещи.

Теофил. Совершенно верно.

Диксон. Итак, после того как мы решили относительно

различия между этими вещами, я прежде всего хочу, чтобы вы выяснили ваше отношение к причинам, а затем к началам. Что касается причин, то я прежде всего хотел бы знать, что такое Первая Действующая Причина и что такое формальная, которая, по вашим словам, соединена с действующей; кроме того, что такое конечная, которая понимается как движущая эту последнюю²⁴.

Теофил. Мне очень нравится тот порядок, согласно которому вы предлагаете излагать предмет. Итак, что касается Действующей Причины, то я утверждаю, что всеобщая физическая Действующая Причина – это Всеобщий Ум, который является первой и главной способностью Души мира, каковая есть всеобщая Форма мира²⁵.

²⁴ Понятия *действующей, формальной и конечной причины* Бруно берет у Аристотеля (Аристотель выделяет еще четвертый класс – материальную причину). По Аристотелю, материальная причина содержится в самой первоматерии, формальная связана с формой, которая творит из материи, действующая причина связывается с источником движения и с переходом из возможности, потенциальности в действительность. Конечная причина объясняет цель и смысл движения

²⁵ Учение Бруно является своего рода «реабилитацией» материи. Для него материя есть «божественное бытие в вещах», которое означает тесное объединение материи и формы. Для Бруно во вселенной не существует неживой материи. Если принять во внимание еще один натурфилософский постулат о тождественности микрокосма и макрокосма, то можно говорить о всеобщей одушевленности космоса: «мир одушевлен вместе во всеми его членами», а душа – «ближайшая формирующая причина, внутренняя сила, свойственная всякой вещи». В качестве всеобщего одушевляющего принципа выступает Мировая Душа, которая проникает в каждую частицу космоса и становится внутренней причиной его движения – от небесных светил до мельчайших частиц. Важнейшим атрибутом Мировой Души называется всеобщий Ум, или универсальный Интеллект. Но факт, что в

Диксон. Это ваше утверждение мне кажется в основном согласным с мнением Эмпедокла²⁶, но только оно выражено у вас вернее, точнее и яснее, а кроме того, если судить по названию, оно и более глубокомысленно. Поэтому вы обяжете нас, если перейдете к разъяснению всего в подробностях, начиная с указания, что такое этот Всеобщий Ум.

Теофил. Всеобщий Ум – это внутренняя, реальнейшая и специальная способность и потенциальная часть Души мира. Это есть Единое тождественное, что наполняет все, освещает вселенную и побуждает природу производить как следует свои виды и, таким образом, имеет отношение к производству природных вещей, подобно тому как наш ум соответственно производит разумные образы. Это он, Ум, называется пифагорейцами Двигателем и возбудителем вселенной, как поясняет поэт, говоря:

...Разлившись по членам,

Движет громадою Ум, смесившись с телом великим.

философии Бруно Мировая Душа становится двигателем космоса, не является свидетельством его материализма и атеизма. Говорить об атеизме по меньшей мере странно, поскольку чуть раньше в этом же диалоге Бруно называет Бога Первой Причиной и Первым Началом (а также впоследствии Единым). Если же обратиться к учению неоплатоников (откуда возникло понятие Мировой Души), то они выделяют три начала мира: Ум, Душу и Космос, причем все три являются проявлениями в бытии превосходящего бытие Единого (или Бога).

²⁶ *Эмпедокл* — древнегреческий философ, положивший в основу мира четыре элемента (огонь, воздух, воду и землю) и присоединивший к ним две движущие силы: объединяющую (любовь) и разъединяющую (ненависть).

Это он назван платониками Кузнецом мира. Этот Кузнец, говорят они, переходит от высшего мира, который в действительности един, к этому чувственному миру, который разделен на многие части, поэтому здесь господствует не только дружба, но также и разногласие вследствие расстояния между частями. Этот Ум, сообщая и передавая нечто от себя материи, оставаясь спокойным и неподвижным, производит все. Магами он назван обильнейшим семенем и даже Сеятелем; ибо это он оплодотворяет материю всеми формами и, сообразно их смыслам и условиям, придает ей фигуру, формирует и слагает в таком удивительном порядке, который не может быть приписан случаю или какому-либо другому началу, не умеющему различать и упорядочивать. Орфей называет его Оком мира, ибо он наблюдает внутри и извне за всеми природными вещами, с тем чтобы все не только внутри, но и вовне производилось и содержалось в собственной соразмерности. Эмпедоклом он назван Различителем, как тот, кто никогда не перестает развивать неясные формы в лоне материи и возбуждать порождение одной вещи из гибели другой. Плотин называет его Отцом и Прародителем, ибо он распределяет семена на поле природы и является ближайшим распределителем форм. Нами он называется Внутренним Художником, потому что формирует материю и фигуру изнутри, как изнутри семени или корня выводит и оформляет ствол, изнутри ствола гонит суки, из-

нутри суков – оформленные ветви, изнутри этих распускает почки, изнутри почек образует, оформляет, слагает, как из нервов, листву, цветы, плоды и изнутри в определенное время вызывает соки из листвы и плоды на ветвях, из ветвей в суки, из суков в ствол, из ствола в корень. Развивая подобным же образом свою деятельность в животных сначала из семени и из центра сердца к внешним членам и стягивая потом из последних к сердцу распространенные способности, он этим действием как бы соединяет уже протянутые нити. Итак, если мы полагаем, что не без размышления и интеллекта сделаны те, как бы мертвые, произведения, какие мы умеем измышлять в известном порядке и уподоблении на поверхности материи, когда, обработав и вырезав дерево, производим изображение лошади, то не должны ли мы более великим считать тот художественный Интеллект, который изнутри семенной материи сплавливает кости, протягивает хрящи, выдалбливает артерии, вздувает поры, сплетает фибры, разветвляет нервы и со столь великим мастерством располагает целое? Более великим художником не является ли тот, говорю я, кто не связан с одной какой-либо частью материи, но непрерывно совершает все во всем? Имеется три рода интеллекта: Божественный, который есть все, этот мировой, который делает все, остальные – частные, которые становятся всем; потому что необходимо, чтобы между крайними находился этот средний, который есть истинная действующая причина всех природных вещей, имеющая

не только внешний, но и внутренний характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.